

Мария ЗАБОЛОЦКАЯ

ПРАЩУРЫ ИЗ УКРАИНЫ, ПОЛЬШИ И БЕЛАРУСИ — ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ СИБИРИ

Отрывки из книги «Дневник
народной певицы»

Я долго и тщательно изучала свою родословную. Она – иллюстрация того, как Сибирь заселялась переселенцами из Белоруссии, Украины, Польши и других земель, даже московских. Теперь я могу рассказать об этом – типичном случае переселения предков в холодную Сибирь.

Я стала распутывать клубок родословной. Клубок распутывался, я выходила на архивы, собирала информацию о своих предках по метрическим книгам. Я смотрела на записи о рождении своих прадедов, их свадьбах, появлении их детей – моих бабушек и дедушек, записи об уходе в мир иной. В некоторых случаях удалось выяснить, откуда приезжали мои предки в Сибирь. Появилась большая мечта – съездить на свои исторические родины и посмотреть – как будто глазами предков... А на стене в моём доме теперь появились фотографии в золочёных рамах. Это фотографии сёл – исторических родин моих предков. Конечно же, я нашла новых родственников.

И ведь из каких красивых мест уходили переселенцы... Бежали по разным причинам, уходя от безземелья, от войны. И даже богатели на вольных хлебах – но приходили новые времена, и переселенцы снова оставались ни с чем... Таким образом малонаселённая Сибирь, которую надо было осваивать и заселять, заполнялась переселенцами. В те времена были и частые случаи возвращения переселенцев из Сибири назад – не выдерживали они испытания Сибирью. Мои предки выдержали. А вот три брата прапрадеда по линии отца вернулись назад на Украину. И по линии мамы со стороны бабушки тоже есть вернувшиеся назад (сейчас они в Одессе).

Солнечная рідна Україна, світлая спадчына Беларусь, утонченна Польша і раздольная Расія жывуць у мяне адначасова і неаддзімна, текуць у мяне кроўю моіх продкаў: маскоўціян, витебчан, украінцаў, полякаў і да таго прыбалтоў, і звучат песнямі на ўсіх мовах моіх продкаў... Мне не раздзіліцца, усё яны – у мяне. А украінскі арнамент на рушніку, витебскі васільок на пляце і рускі ўзор на юбцы – гэта сімво-

лы моіх каранёў. Маскоўскія торгавыя людзі, вольныя беларускія сяляне, украінскае казачства і польская шляхта... Усе мае продкі з тых пар, як я ўзнала іх усе па іменам і адчувствам, як будау незрыма встала за спінай – гэта і ёсць сувязь пакаленняў, сіла рода.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИЗ БЕЛАРУСИ

Многое из истории нашего рода мне рассказал мой любимый дед-белорус Александр, фамилию которого я взяла за основу своего сценического псевдонима в память о нём. Он – старый солдат, ветеран войны. Это он пел мне солдатские песни вместо колыбельных и носил меня на руках гулять по огромным сибирским полям в нашем родном посёлке Ясная Поляна. Это он вставал ко мне ночами в детстве, чтобы посмотреть, как там его любимая внучка-первенец.

...Прадед Павел Максимович и его отец, Максим Ефимович, пришли в Томскую губернию из Витебской губернии Белоруссии, деревни Зайцовка. Переезжали под Новосибирск. Тогда это была сплошь Томская губерния. Сначала в Сибирь заслали гонцов, старших сыновей прапрадеда – Федота, Егора и Митрофана, чтобы разузнать, что да как. Братья, приехав на разведку, поспрашивали, кто-то им посоветовал обратиться на хутор деда Беркута за его разрешением поселиться у него, заимка так и называлась – Беркуты. Такая деревушка есть и сейчас. Дед Беркут был очень уважаемым в тех местах. Пришли прадеды, тогда ещё молодые, неженатые, но уже бородатые – и упали перед ним на колени: «Прими». Огромные детины с бородами – на колених с просьбой принять, благословить на переезд. Беркут сказал им: «Берите земли столько, сколько сможете обработать, и селитесь. И вставайте с колен, пойдёте уху щербать...» Вот это «пойдемте уху щербать» передавалось в дедовом роду из поколения в поколение – быть о гостеприимстве сибирского деда Беркута.

В Белоруссии земли не хватало из-за густонаселённости, ведь огромную площадь маленькой Беларуси занимают болота (не зря и фамилия наша такая говорющаяся). Семья была большая, поэтому решили ехать. Царское правительство давало подъёмные тем, кто заселял Сибирь, сумма на семью получалась приличная. Ехали несколько семей, у некоторых жёны были беременными и даже рожали в пути... Первые записи о появлении на свет детей переселенцев-белорусов уже в Сибири, на заимке Беркуты, датируются в метрических книгах декабрём 1899 года.

Приехали – и только на месте поняли, куда попали. Было то ли лето, то ли осень (потому что в Сибири лето часто, как осень), постоянно шёл дождь, нужно было строить дом, а глины для строительства набрать невозможно – она была в развезённом состоянии. Поэтому брёвна смазывали не глиной, а грязью. Холод и промозглость – первое впечатление от Сибири у ко-

ренных белорусов, приехавших с тёплой земли. Гонцов-то, видать, летом посыпали, и те застали солнечную погоду – просто так соспало.

В селе Монастырском, из которого родился Прокопьевск, жила другая ветка наших белорусских родственников по фамилии Заболотник. В разных местах селились переселенцы – вроде братья, а распределялись по разным переселенческим участкам.

Село это было старинное, со своей историей. Когда давали название городу Прокопьевску, то вспомнили о местном церковном служителе Прокопии – и в честь него назвали город. Теперь святой Прокопий – покровитель этого сибирского города, который тогда относился к Томской губернии.

Следом в этот город приехала остальная семья – мой прадед Павел с женой Настасьей и его братья с семьями. Моему деду тогда было лет 10, это был 1934 год. В 1937 году Прокопьевск стал частью Новосибирской области, а в 1943-м – Кемеровской.

Много наших белорусских Заболотников пострадало от репрессий – из тех, которые не поехали в Сибирь, остались на исторической родине. Все они были реабилитированы и включены в Книгу Памяти пострадавших от репрессий в СССР. Из этой книги я узнала новую информацию, которая помогла в установлении родственных связей и исторических фактов.

Я долго искала родню в Беларуси. Помог сайт «Радзима». На Витебщине нашлась линия Евстафия, предположительно одного из братьев прапрадеда Максима. Моя белорусская тётя Мария рассказывала мне о своих родственниках, которые уехали в село Монастырское. Нити связались! Мы с Марией – сначала я, а потом и она – долго дивились, сравнивая её фото с фото моего прадеда, поражаясь, что и нос, и брови, и глаза, и скулы – всё так схоже! Мария даже вспомнила, как в её детстве в их деревню к двоюродной тёте приезжал из Сибири родственник из рода Заболотников, по всем приметам очень похожий на моего деда!

Нашу Зайцовку я долго не могла найти на карте – ни на современной, ни на старой. Нашлась она на довоенной карте, 1938 года, когда, видимо, уже готовились к войне с Гитлером и составляли подробные карты. На самом деле она называлась Зайцево. За давностью лет из уст в уста название её было передано дедом в искажённом, народном, виде. Рядом с ней находится деревня Борисово, из которой ехали в Сибирь Вороновичи, вместе с нашими Заболотниками. Живя в соседних белорусских деревнях, были хорошо знакомы, так как ходили в один храм, который находился в деревне Стрелки.

Сегодня нашей «зайцовой» белорусской деревни не существует... Её в 1943 году сожгла война... Борисово – тоже. Там проходила линия фронта, было выжжено всё дотла.

Долго не знала я, с какой стороны подступиться к вопросу изучения своей родословной по линии бабушки, которая умерла ещё до моего рождения, жены моего деда-белоруса, бабы Маши, в честь которой называли и меня.

Родилась бабушка в деревне Лукошкино. Первую информацию о роде бабушки дал мне дед. Это был минимум информации, от которого я оттолкнулась. А продолжать пришлось мне самой. Мысль поселилась у меня в голове – увидеть Лукошкино. Интересно было знать, на какой улице жили предки, где стоял их дом, найти их могилы на сельском старом кладбище. Я нашла в соцсети группу с названием «Лукошкино» и создала там тему, что ищу родственников по своей фамилии. Фамилия у моей бабушки красивая, польская: Гамановская. Нашлись две моих новых тётки, которые дали необходимую информацию, за которую я зацепилась и продолжила расследование. Они рассказали мне ещё об одной нашей родственнице-старожилке, которой уже 76 лет, и она должна была помнить многое. Я нашла её телефон.

Наш родственник в Одессе, брат тётки Елены, вспомнил название нашего родного села на нынешней Украине. Таких сёл в Тернопольской области оказалось сразу два – в Лановецком и Борщевском районах. Я написала в украинский архив, откликнулась его сотрудница, пани Оксана, которая сразу определила, из какого из двух этих сёл, скорее всего, уехали наши предки в Сибирь. Я попросила её, она нашла в метрических книгах записи о моих предках! Так я протянула свою ниточку и на Украину.

Село прадеда Димитрия Гамановского называлось Бережанка. Я теперь знаю по именам и отчествам всех предков по этой фамилии вплоть до XVIII века. Как мне рассказали потом в минском архиве знатоки, такие фамилии, как Гамановская, всегда однозначно указывают на принадлежность рода к польскому дворянству, шляхте. Потом я читала об этом и в научных источниках. Поэтому можно предположить, что наш род по этой линии был из обедневших по какой-то причине польских дворян, проживавших на территории нынешней Украины.

Родился прадед Дмитрий Иванович в 1884 году. Из Украины прадед с братьями уезжали вместе с отцом и матерью – Иваном Андреевичем и Марфой Дмитриевной. В Сибирь приехали вместе с семьёй Ничепорук. Жёны Ивана Андреевича Гамановского и Антона Ничепорука – Марфа Дмитриевна, моя прапрабабушка, и Пульхерия Дмитриевна – были родными сестрами. И уже на моём веку с этим обстоятельством вышла мистическая история. Я и моя подруга детства, родившись в разных городах, через полвека после смерти своих прапрабабушек-сестёр вдруг встретились в одном классе за одной партией,

158

подружились, и только спустя много лет мы выяснили, что являемся сёстрами!

Упоминания о появлении наших Гамановских в Сибири (Лукошкино) встречаются впервые в 1901 году. Тогда прапрабабушка Марфа Дмитриевна промелькнула в метрической книге в крёстных. В последующие годы два рода – Гамановские и Ничепоруки – всегда вместе: крестят детей, гуляют свидетелями на свадьбах друг у друга.

А на улице Заречная (так улицу звали в народе, ныне она называется Лиственка) когда-то подряд стояли три дома Гамановских: Ивана Андреевича, Дмитра и Василия.

В Кузнецкий уезд ехали в основном из Украины. В 1914 году в Лукошкино появилась своя церковь – а это означало, что село разрослось до больших размеров. Прапрадед Иван Андреевич Гамановский был церковным служителем. Когда люди встречали его, они снимали шапку и кланялись, ходили к нему за советом, а по вечерам он читал церковные книги собравшимся на вечерки неграмотным односельчанам. Перед всеми большими церковными праздниками правнучки Ивана Андреевича, в том числе и тётя Таня-старожилка, приходили к нему в дом наводить чистоту.

Всё село было сплошь украинским: из каждого двора неслись украинские речи, девушки до самого военного времени выходили в селе замуж по украинским традициям, в веночках. А летом каждый вечер над селом раздавались на закате украинские песни на три голоса – и так хорошо пели, хоть и не был никто обучен музыке... Пели, вспоминали родину – и плакали. Так и скучали всю жизнь по своей исторической родине...

У Гамановских было огромное хозяйство (оно значилось за Иваном Андреевичем, их отцом, а работали на полях все его взрослые сыновья, и именно этот факт спас наших Гамановских от репрессий во времена раскулачивания, ведь сыновья не батраки, а члены семьи). Была у них и своя мельница – они поставили её сразу по приезде в Лукошкино, замутив речку Берёзовую.

Прабабушка Матрёна была переселенкой из украинского села Печерна, которое находится буквально в километре от села Бережанка. Линию Матрёны, второй жены прадеда после смерти первой, я восстановила тоже благодаря соцсети «Одноклассники». В 1894 году, когда Матрёна была совсем маленькой, их мать Юстина умерла от родов. Оставшись малолетней сиротой, Матрёна приехала в Сибирь вместе с семьёй своего деда по фамилии Онищук. А в 1915 году родные братья Матрёны – Казачки – во время Первой мировой войны приехали в Сибирь, к родственникам. И ещё одна мистическая история произошла в связи с расследованием линии Казачков: среди давних знакомых в моём окружении нашлись родственники Онищу-

ки! Те бабушка, с предком которых приехала в Сибирь моя прабабушка!

Когда настало время раскулачивания, отбирать нажитое в Лукошкино (так было во всей Сибири, видимо) приходили свои же, деревенские, бездельники, которых все знали в лицо и поимённо. Они все были почему-то бритоголовыми, как в 90-е годы XX века (так рассказала моей тёте-старожилке её мать, которая застала те времена), и в чёрных кожаных куртках. На земле они сами работать не хотели и не умели, но посчитали себя обделёнными, а тех, кто успел нажить достаток своими трудами – виноватыми. Отбирали скот, продукты. Скот приносили в жертву идее раскулачивания тут же, за деревней – естественно, не на благо «государству», которое в отдельно взятой деревне никак тогда нельзя было потрогать руками, а в свою личную пользу. Этим они заслуживали ненависть односельчан. Но ненависть тихую. Под флагом раскулачивания проявлять свои чувства было опасно. Нашего Ивана Андреевича не тронули – он был старым и уважаемым человеком на селе, а ещё потому, что он отдал всё «добровольно», попробовал бы не отдать-то...

На лукошкинском сельском кладбище могилы прабабушки Матрёны и прапрадеда Ивана Андреевича Гамановского мы не нашли. Стёрло время с лица земли их последние пристанища, не узнать теперь... Остаётся только помнить, чтить.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИЗ ПОЛЕСЬЯ

759
Про отцовских предков хотелось узнать только одно: откуда они приехали в Сибирь. Меня вырастил отчим. Жизнь сложилась так, что сначала я изучила родословную своего отчима-украинца. Отец оставался как будто в стороне – представления не имела, где искать. А родословная отца оказалась лежащей на поверхности. В метрических записях кемеровского архива – рядом, в двух шагах – было написано, откуда предки приехали в Сибирь.

Появились они в Тарсыминской волости Кузнецкого уезда в 1915 году, во время Первой мировой войны. Приехал прапрадед Никон Иванович с детьми, среди которых – мой прапрадед Игнат Никонович с четырьмя братьями и сестрой. Трое братьев по окончании Первой мировой войны вернулись назад в родное украинское село.

Историческая родина отца оказалась такой живописной! Село территориально находится на Украине, на границе с Белоруссией, до неё 4 километра, и Польшей, до которой 6 километров. Там начинается белорусское Полесье. Рядом – Полемецкое озеро, очень красивое, чистое, мечта всех рыбаков и любителей первозданного отдыха. Когда-то это тоже была территория Польши, да и название у села явно польское, этот звуковой колорит не спутать. Село называлось «Полемец», произносится с ударением на второй слог, буква е произносится

как э. Позже название искажилось в Пулемец – он есть на современной карте. Большое, развитое село. Оказалось, что наш родственник, потомок одного из вернувшихся назад на Украину братьев, долгое время был головой села. И так же, как я, долгое время изучает нашу общую родословную.

БЕЛАРУСЬ. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА СПАДЧЫНУ

Я поехала навстречу своей давней мечте – побывать на исторической родине своих предков по линии моего любимого деда, в Беларусь. Приехала на Белорусский вокзал. Надо сказать, что Беларусь начинается уже в Москве, на станции метро Белорусская. На вокзале я купила билет (мне снова везло – он был на последнюю нижнюю полку во всём поезде!).

Я подъезжала к Витебску! В окно глядело раннее белорусское утро – такое, наверное, каким его видели сто с лишним лет назад мои предки-белорусы... На перроне меня встречала родственница Мария, я вышла в слезах, мы обнялись. Это непередаваемое чувство...

Мы с Марией и её племянницей, которая была за рулём, поехали к Марии домой. Она накрыла на стол, покормила меня с дороги – заранее приготовила вкусный завтрак... Потом положила меня спать на кровать в отдельной комнате, кровать была мягкой, постель пахла чистотой... Я приехала туда, где меня искренне ждали...

Побывала в Витебске я, в старинном Марковом монастыре, поставила свечи за упокой моих предков, уехавших когда-то с этой земли в Сибирь. У главного храма Витебска – Успенского – на горочке между рекой Двиной и храмом я набрала земельки, чтобы увезти на малую родину и посыпать там, где спят вечным сном мои предки-белорусы... Посыпала! Ведь прадед Павел, которому было всего 10 лет, когда он оказался в Сибири, всю жизнь говорил на белорусском языке, не дал переделать на новый лад белорусский исходный вариант звучания нашей фамилии, а лёгкий белорусский говорок в произношении передал и моему деду.

Мария свозила меня в Минск. Город огромный, но с Москвой, конечно, не сравнится по размерам, и красота у него другая, своя. И величие в нём есть, и столичность, и нечопорность. И суеты, толчеи нет. Много солнца. По улицам ходит много светложих и светловолосых людей, многие мужчины похожи на моего деда. А главное – белорусы очень приветливы, они улыбаются от души, со всей радостью, когда задаешь им вопрос. Я заметила, что и одеваются белорусы, особенно в Минске, ярко, в одежду разноцветную: вокруг жёлтые, красные, белые, зелёные цвета... Да ведь и флаг-то у Беларуси какой яркий: красно-зелёный, а по нему идёт белорусский национальный орнамент.

Я отправилась в храм Воскресения Христова. Обошла его по кругу, подошла к каждой иконе, поблагода-

рила за свой приезд сюда, снова поставила свечку за своих предков-белорусов. Потом присела на лавочку в храме и узнала от женщины рядом, что сейчас вот-вот привезут мощи святого князя Владимира, Крестителя Киевской Руси. Это, решила я, не случайно, я ведь Владимировна, и теперь оказываюсь в Минске в единственный свой день, в то время, когда сюда привозят мощи князя Владимира.

Я прошла через пост охраны, которая заинтересовалась моим большим пакетом, мне пришлось показывать, что там внутри, и рассказывать, что я туристка из России. Потом я попробовала зайти внутрь, а там... Там зайти было невозможно, яблоку негде буквально упасть. Я робко стояла у дверей, а потом сказала сокрушающимся голосом стоявшей рядом женщине: «Если через час я не пройду, то у меня поезд, и я должна буду поехать на вокзал...». Женщина мне ответила: «Вон там, видите, мужчина высокий, его зовут Роман, это начальник охраны. Подойдите к нему и скажите, что надо на поезд, он может провесты, ведь причина уважительная...» Я глянула в сторону Романа. Легко сказать «подойдите»... А как? Женщина ответила: «Идите между людьми и говорите по пути, что у вас поезд, что извиняетесь и просите пропустить...» Я так и сделала. И люди расступились и пропустили меня к Роману!

Ещё не окончилась служба, я стояла поблизости от Романа со своим пакетом, и когда стало удобно обратиться с вопросом, сделала это. Притронулась слегка к его руке, когда он повернулся, шёпотом рассказала свою ситуацию. Он спросил: «А вы откуда?» Я ответила: «Из России». В Беларуси слово «Россия» – волшебное! Как только закончилась служба, Роман подошёл к главному батюшке со словами: «Вот здесь девушка, россиянка, у неё поезд скоро, можно ей пройти вперёд очереди?». Батюшка улыбнулся и ответил: «Пусть проходит!» Весь этот разговор происходил с таким огромным уважением к России, что невозможно было этого не понять и не заметить. Роман взял у меня из рук мой огромный пакет, я подошла к мощам святого князя Владимира. Потом Роман вынес мне пакет и сказал с улыбкой: «Передавайте привет Путину». Я ответила, что передам при первой же возможности. Вышла из храма на Божий свет, ярко светило солнце, и я... заплакала. Это были слёзы счастья и благодарности Беларуси, встретившей меня так радушно!

Обратно из Витебска в Москву мы поехали вместе с сыном Марии – Андреем. В пути всего-то пять часов, от Витебска до российской границы – 50 километров. На границе между Беларусью и Россией таможенники попросили показать наши паспорта и пожелали счастливого пути. Перед нами остановили машину с украинскими номерами, их изучали дольше и тщательнее.

Мы въехали в Подмоскowie. Приветливое подмосковно-белорусское направление...